

ТЮРКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОГО ПОГРАНИЧЬЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.

д-р Владислав В. ГРИБОВСКИЙ

Інститут української археографії та джерелознавства

ім. М. С. Грушевського НАН України

E-mail: nuradyn@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9595-5533>

Аннотация. На основе анализа нарративных и документальных источников показана политическая и демографическая ситуация на границах Великого княжества Литовского и Крымского ханства. Аргументирован вывод о том, что «перекопские татары» были не кочевниками, а полуседлым населением. Хозяйственные занятия и степень оседлости этого населения отличались по половозрастному и социальному признакам: женщины, дети, клиенты и рабы-ясыри жили в стационарных поселениях, занимались земледелием и огородничеством. Полноправные мужчины вели подвижный образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством, промыслами, войной. Основу хозяйства составляло овцеводство и коневодство. Особое внимание обращено на группы чабанов, имевшие изменчивый и разноэтничный состав, совмещавшие пастушество и набеги, длительное время остававшиеся без семьи и постоянного места жительства. Социальная типология чабанских групп определена как мужской союз.

Ключевые слова: татары, пограничье, кочевники, пастушество, мужские союзы.

LIETUVOS DIDŽIOSIOS KUNIGAIKŠTYSTĖS IR KRYMO CHANATO STEPIŲ PASIENIO TIURKAKALBIAI GYVENTOJAI XV AMŽIUIJE–XVI AMŽIAUS PIRMOJE PUSĖJE

Santrauka. Remiantis sakytinių ir dokumentinių šaltinių analize, atskleidžiama politinė ir demografinė situacija Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Krymo chanato pasienyje. Daroma argumentuota išvada, kad „Perekopo totoriai“ buvo ne klajokliai, o pusiau sėslūs gyventojai. Šių gyventojų namų ūkio veikla ir sėslumo laipsnis skyrėsi – priklausė nuo lyties, amžiaus ir socialinių ypatybių: moterys, vaikai, klientai ir vergai-jasirai gyveno stacionariose gyvenvietėse, vertėsi žemdirbyste ir daržininkyste. Visateisiai vyrai praktikavo mobilų gyvenimo būdą, vertėsi galvijų auginimu, amatais, kariavo. Jų ūkio pagrindas – avininystė ir arklininkystė. Ypatingas dėmesys skiriamas piemenų grupėms, kurių

sudėtis kito ir buvo etniškai nevienalytė. Šie piemenys ir gyvulius ganė, ir puldinėjo, jie ilgą laiką neturėjo šeimos ir nuolatinės gyvenamosios vietos. Socialinė piemenų grupių tipologija apibūdinama kaip vyrų sąjunga.

Raktiniai žodžiai: totoriai, pasienis, klajokliai, gyvulių ganymas, vyrų sąjungos.

В историографии установилось не вполне ясное представление о том, что основное население Северного Причерноморья в XV–XVI вв. составляли тюркоязычные кочевники, известные под условным названием «татары», что в данном регионе отсутствовали стабильные границы и механизмы их регуляции и что степное пограничье было охвачено перманентными разрушениями, препятствовавшими развитию хозяйственно-культурной и государственной жизни¹. Демографическая специфика, социальный уклад и политические связи населения региона еще должным образом не изучены. Попытки выработать «социологию пограничья», объясняющую «невозможность мира» в регионе², не дали убедительного ответа на поставленный вопрос. Достаточно хорошо изучена политическая ситуация в регионе, аргументированы выводы о том, что степное междуречье Днепра и Днестра ко времени присоединения к Великому княжеству Литовскому (далее – ВКЛ) представляло собой опустошенный и почти неуправляемый регион. Его население существенно сократилось вследствие изменения климата (резкое похолодание), мощных эпидемий чумы, смещения караванных путей, военных столкновений и общего разлада в Золотой Орде. Пришли в упадок золотоордынские города в нижнем течении Днепра; окончательный удар по ним нанес правитель Мавераннахра Тамерлан в 1395–1396 гг. Безуспешная борьба золотоордынского хана Тохтамыша с Тамерланом и Эдиге на рубеже XIV–XV вв. привела к массовым миграциям населения Золотой Орды, одним из направлений которых были владения великого князя литовского³.

Современное состояние изучения вопроса позволяет утверждать, что в XV в. произошла архаизация общего уклада жизни населения причерно-

1 В. Смирнов, 1887, с. 6, 157–198, 267, 296; В. Сыроечковский, 1940, с. 61; А. Новосельский, с. 15–16, 101–123; А. Хорошкевич, 2001, с. 4, 88–90, 148; W. McNiel, 1964, p. 89–90; A. Fisher, 1978, p. 25–27; M. Khodarkovsky, 2009, s. 16–17, 20–24, 57–59, 85–90; A. Gliwa, 2013, s. 125, 106–394.

2 M. Khodarkovsky, 2009, s. 19–21.

3 Н. Русев, 1997, с. 236; Э. С. Кульпин, 1998, с. 108–109; Б. Черкас, 2014, с. 103, 166, 179–199; М. Ельніков, с. 91–93; С. Біляева, 2012, с. 73, 174–178; D. Kołodziejczyk, 2011, p. 450, 505–506; S. Kryczyński, 1938, s. 29.

морского степного пограничья. Рыбалка, охота, набеги, кочевое и отгонное скотоводство – эти виды присваивающей и элементарной производящей экономики вышли на передний план. Ушли в прошлое городская жизнь, безопасные и наполненные движением караванные пути, упорядоченное кочевание номадов по установленным маршрутам, сбалансированное сосуществование земледельческих и кочевых обществ. На руинах золотоордынской цивилизации воспроизводился архаический социальный уклад, который составляет предмет данной статьи. Теоретической основой методов его исследования послужили труды Г. Шурца и представителей субстантивистского направления в социальной антропологии М. Салинза и К. П. Поланьи⁴. Анализ источников XV–XVI вв. дополнен сравнительно-историческим материалом более позднего времени, что позволяет применить ретроспективный метод, выяснить то, что в источниках первой половины XVI в. представлено фрагментарно или присутствует неявно. Понятие «татары» использовано для обозначения тюркоязычного населения Северного Причерноморья в период, предшествовавший массовой миграции ногайцев в данный регион из Нижнего Поволжья и Северо-Западного Кавказа во второй половине XVI – первой трети XVII вв.

Начнем с вопроса о состоянии границ. Хан Тохтамыш создал прецедент выдачи ярлыков великому князю литовскому на владение отдельными территориями, принадлежавшими Золотой Орде. В изменившихся условиях эту практику продолжили крымские ханы Хаджи Гирей и Менгли Гирей I⁵. Литовские князья Гедиминовичи восстановили действие древнего пути «из варяг в греки»⁶. Граница ВКЛ с Крымским ханством была определена по нижним порогам р. Днепр. Удельный князь киевский Семеон Олелькович (правил в 1455–1470 гг.) отвечал за безопасность южных рубежей Литовского государства; он отправил черкасского старосту Свиридова для межевания «с землей Татарскою». Разграничение провели от р. Мурафа, вниз по Днепру до его устья, далее морем до Днепровского лимана, затем вверх по Днепру до р. Самара, Сиверского Донца и Тихой Сосны⁷.

На правом берегу нижнего течения Днепра была расположена литовская крепость Тягиня. В результате раскопок 2018 г. было обнаружено 1306 артефактов, главным образом керамики, аналогичной образцам из

4 Н. Schurtz, 1902; M. Sahlins, 1963; К. Поланьи, 2002.

5 Ф. Петрунь, 1928, с. 171–172.

6 Б. Черкас, 2014, с. 205–221, 278.

7 И. Каманин, 1894, с. 59; В. Гулевич, 2014, с. 26.

разных регионов Золотой Орды и Крыма, а также предметы, характерные для поселений в Северном Причерноморье византийского периода. Отдельный интерес представляют наконечники арбалетных болтов, типичные для Литвы, Польши, стран Центральной Европы. Из нумизматического материала отмечены «татарские» монеты и одна польская, времен Сигизмунда I. В ходе раскопок определена площадь и планировочная структура крепости. Первый этап ее строительства археологи отнесли к рубежу XIV–XV вв., т. е. к литовскому периоду в истории региона. Крепость неоднократно разрушалась и восстанавливалась, при этом уменьшаясь в размерах. Планировочная структура Тягиньской крепости напоминает Тракайский замок⁸. Тягиня контролировала переправу через р. Днепр в той части, где заканчивались днепровские плавни и проходил торговый путь из Крыма в Галицию и Польшу.

О татарском населении прилегающей к Тягине местности в первой половине XV в. можно судить по описанию Жильбера де Ланнуа (Gilbert de Lannoy) 1421 г., отметившему здесь «татарского князя, друга и слугу Витольда, равно как и большое татарское селение, принадлежащее сказанному Витольду. [...] Они не имели домов, жили на голой земле. Сказанный князь по имени Жамбо дал мне много осетров и кирпича (высушенный кизяк), чтобы их варить. Потом его татары по его повелению переправили меня с моими людьми и повозками [...] чрез реку, которая имела милю в ширину, в маленьких челноках из одного куска дерева»⁹. Из приведенного текста следует, что князь Жамбо находился в вассальной зависимости от великого князя Витовта и контролировал переправу через Днепр. Подвластные ему кочевники жили «на голой земле», т. е. в юртах, а не стационарных домах, использовали кизяк в качестве топлива, имели лодки для обеспечения переправы, а также ловили в Днепре осетров.

В последней трети XV в. Османская империя, подчинив Крымское ханство, захватила у ВКЛ города Кочубей (совр. Одесса) и Дашев (Очаков), а также крепость Тягиню на Днепре. На протяжении более ста лет Литва, затем Польско-Литовское государство безуспешно требовали возвращения этой территории¹⁰. По этой причине юго-восточные границы Речи Посполитой долгое время (до 1633 г.) не были определены. Другая причина заключалась в том, что ни ВКЛ, ни, позднее, Речь Посполитая, ни Османская

8 На розі двох світів, 2018, с. 16–18, 30, 37–39.

9 Ф. Брун, Одесса, 1852, с. 8.

10 D. Kołodziejczyk, 2011, p. 450, 505–506.

империя и Крымское ханство не располагали ресурсами и организационными возможностями для создания аппарата управления малолюдной степью. Постоянные нападения украинских казаков на татар Крыма и Буджака, как и этих татар на владения Польско-Литовского государства, приводили к дестабилизации государственной власти на территории, прилегающей к степному пограничью. Между ВКЛ и Крымским ханством образовалось обширное пространство ничейной земли, именуемое «Диким Полем».

В 1489 г. великий князь литовский и король польский Казимир IV отправил в южное Подолье по Днепру своего сына Ольбрахта «со всем двором своим», к которому присоединились жители Подолья и Руси («*podolanie u rusacy*»). Имея своими проводниками казаков, королевич вышел на два крупных татарских отряда, возвращавшихся с большой добычей¹¹. Это упоминание в украинской историографии принято считать первым свидетельством об украинских казаках. Однако, не исключено, что это были местные тюркские казаки, хорошо знавшие местность и потому служившие проводниками. Известны «белгородские казаки» (*Akkerman Qazaqlar*), которые не только активно нападали на степное пограничье, но и поддерживали тесную коммуникацию с польско-литовскими пограничными губернаторами, как, например, в 1561 г. старостой черкасским и каневским Михаилом Вишневецким¹².

В XVI в. сообщения о разного рода казаках становятся массовыми. Польский хронист Матвей Стрыйковский (*Maciej Strykowski*) в 1582 г. зачислял в «казаки» всех, кто действует вооруженной рукой не по закону, в частности литвинов, нападавших в XIII–XIV вв. «на Русь, на Польшу, на Москву» и «казакованием искавших пропитания». Казаками он называл и выходцев с Волыни, «заполонивших своим народом киевские, подляские, подольские, и другие смежные русские земли». Этот хронист утверждал, что подольский князь Федор Кориятович, представитель династии Гедиминовичей, еще в конце XIV в. действовал совместно с «подольскими казаками». В употреблении хронистом слова «казак» прослеживается обозначение занятий, связанных с присвоением природных ресурсов: охота, рыбалка, бортничество и др. Что примечательно, это проявилось в описании Подолья. Основанию г. Каменец-Подольский, согласно Стрыйковскому, предшествовала охота князей Кориятовичей на «зубров, оленей, косуль, диких кобыл» и прочие их «казацкие развлечения» вместе с «литовским и русским рыцарством».

11 *Kronika polska Marcina Bielskiego*, 1597, s. 476.

12 *Lietuvos Metrika*, 1996, p. 69.

Стрыйковскому, по его словам, приходилось в 1574 г. пить мед, сваренный местными казаками¹³.

Восточное Подолье (Брацлавщина) было одним из первых очагов формирования украинского казачества. Казакование (Qazaqlıq) дало о себе знать во второй половине XV в. на огромной территории – от Центральной Азии до Северо-Западного Причерноморья, в том числе и на литовско-крымском пограничье. Тюркское население в этом регионе присутствовало постоянно. Литовское правительство создавало условия для быстрой кооптации местной русьской и тюркской знати в социальное пространство своего государства. По выражению украинского историка Федора Петруня, ВКЛ «как бы лишь регистрировало эти новые образования в своих пределах и переводило постепенно тюркских династов на *status* обычных землевладельцев»¹⁴. Большая часть местной знати превращалась в клиентов удельных князей и военных слуг великого князя литовского (а затем и короля Речи Посполитой). Те, которые не смогли войти в сословие шляхты, оказывалась среди украинских казаков. На Брацлавщине и Киевщине удельный вес татар – как местных (давно проживавших), так и пришлых – был значителен среди всех слоев населения: боярско-шляхетских родов, мещан и казаков¹⁵.

Первые группы украинских казаков имели сходство со структурами, складывавшимися по типу «князь–дружина» или «хан–батыры», в которых использовали тюркскую лексику для обозначения статусных позиций: «атаман» (по-украински: «отаман»), «есаул» (по-украински: «осаул»), а также социальных образований: «кош» (по-украински: «кіш»), «курень» (по-украински: «курінь») и др. Первыми руководителями (гетманами) казачества были королевские старосты – местные губернаторы; казакование «считалось школой рыцарства для шляхетской молодежи»¹⁶. Пограничные губернаторы не имели иных организационных и ресурсных возможностей, кроме как возглавлять походы на соседей с целью получения добычи, взимания дани, пиров и братания со своими воинами, дарообмена и редистрибуции, посредством которых поддерживались личные связи и обязательства, формировались патронно-клиентские отношения. Таким образом, речь идет о чертах вождества (*chiefdom*) – архаики, «проросшей» сквозь обломки

13 М. Стрийковский, 2011, с. 114, 165, 273, 305, 356, 379, 494, 481–482.

14 Ф. Петрунь, 1928, с. 176.

15 Н. Яковенко, 2008, с. 62–71, 127.

16 С. Леп'явко, 1996, с. 32.

позднерусских и золотоордынских социальных систем; из этого вожества как бы заново складывались феодальные институты.

Итак, в первой половине XVI в. степное междуречье Днепра и Днестра оставалось спорной территорией. Пограничная администрация ВКЛ время от времени пыталась контролировать эксплуатацию степных ресурсов в Буго-Днепровском междуречье. В частности, в октябре 1553 г. литовскому уполномоченному Венцлаву Миколаевичу (Михалон Литвин) было поручено переписать и обложить налогом владельцев стад, выпасаемых турецко-крымскими подданными в низовьях Днепра¹⁷. В Буджаке и Очаковской степи представители османской власти точно так же пытались наладить учет поголовья скота и устанавливать налоги, и так же безуспешно, поскольку этому препятствовали северные соседи. Летом 1538 г. султан Сулейман Кануни выдвинул претензию польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I за нападение его подданных, жителей Брацлавщины (восточное Подолье), на «овчарские коши» около Очакова, убийство «писаря овчарского» и отобрание у него 60 тыс. аспров (вероятно, собранных им налогов)¹⁸. Подобные случаи упомянуты в султанском письме, датированном августом 1563 г., где отмечено нападение подданных королевства Польского на «кошары или становища» («koszary albo stanowiska»), расположенные на полях «белогородских» (буджацких); тогда также не обошлось без причинения насилия овчарам. Что примечательно, нападающие убивали овец и ягнят только ради шкур, которые снимались на месте. Сторожа тех отар и уполномоченные для сбора податей («stróżowie u około podatkw tamtych chodzący») жаловались султану, что хозяева вывели свои отары, забросив зимовники и пастбища («zimowiska u mieysca pastwiskom sposobne»)¹⁹.

Подобные нападения стали характерной чертой деятельности украинских казаков. Хронист Мартин Бельский (Marcin Bielski) в конце XVI в. писал: «Не бывало их ранее так много, но уже сейчас их собирается по несколько тысяч»; татарам и туркам они «вред немалый причиняют [...] и в полях немалую добычу берут, поэтому уже не решаются турки и татары так далеко в полях овец и скот вблизи них пасти, как раньше пасли, по обеим сторонам Днепра на двести миль»²⁰.

17 Михалон Литвин, 1994, с. 22.

18 Жерела, 1908, с. 5.

19 Жерела, 1908, с. 34.

20 Kronika Marcina Bielskiego, 1856, s. 1358.

Период активности украинских казаков длился с весны до осени. К лету они собирались ниже порогов Днепра для рыбной ловли, охоты, нападения на татарских чабанов, а на зиму расходились в ближайшие города: Киев, Черкассы, Канев, Брацлав, Белая Церковь и другие; «а свои челны прячут где-то в надежном месте, на днепровском острове. Оставляют там же и несколько сотен душ на курене, как они говорят, при стрельбе»²¹, – писал хронист Александр Гваньини. С отходом казаков, низовья Днепра занимали татары. «Насколько наш Борисфен (Днепр) опасен для перекопских [татар] летом, настолько удобен зимой, ибо, когда прекращается судоходство, они спокойно пасут свои стада за рвом (Перекопским перешейком) на островах и в ивняках (днепровских плавнях) этой реки», – свидетельствовал Михалон Литвин²². Зимнее пребывание татар на Днестре и опасность, которую представляли для них казаки летом, отметил и другой современник²³.

Сезонные миграции украинских казаков заметно влияли на расселение тюркоязычного населения региона. Набеги подданных Крымского ханства и Османской империи, охватывавшие юго-восточные и даже центральные воеводства Речи Посполитой, приводили к еще более значительным демографическим последствиям²⁴. Не следует объяснять эти нападения одними лишь свойствами кочевого образа жизни абстрактных татар. Источники фиксируют и некоевников, производивших набеги. Подобный случай упомянут в переписке султана Сулеймана и короля Сигизмунда I в 1540 г.: король предъявлял претензию на «жителей Аккермана и Килии», которые перегоняют своих овец в пределы Польско-Литовского государства, соединяются «со многими злодеями» и наносят большой вред приграничным селениям²⁵.

Французский исследователь Жиль Вайнштейн (Gilles Veinstein), анализируя османскую документацию XVI в. о санджаке Аккерман (Буджак), отметил, что тимарная система здесь не сложилась, но существовали своеобразные сёла и чифтлики. В *каза* Джанкермен (фискальный округ в нижнем течении Днепра) в 1570 г., при одноименной крепости не было сёл и чифтликов, а только отары овец. В Буджаке отмечены лишь отдельные чифтлики; их редко передавали по наследству, особенно женщинам. Зато здесь было много

21 О. Гваньїні, 2009, с. 428.

22 Михалон Литвин, 1994, с. 22, 99.

23 М. Броневский, 1867, с. 338.

24 А. Gliwa, 2013, s. XX.

25 Documente turkești, 1976, p. 31.

зимовников (kışlak), принадлежащих отдельным лицам, как, например, Ya'kub kışlası – зимовник Якуба. Различение чифтлика и других владений, имевшее в центральных районах Османской империи достаточное правовое основание, в Буджаке не было четким. Здесь чифтликами владели не только мусульмане, находящиеся на государственной службе, но и христиане. Зафиксировано большое количество совместных владений (от 2 до 5 человек), непередаваемых по наследству; все они облагались налогом. Большинство владельцев были людьми без статуса и обязанностей перед государством. Отмечено также множество бессемейных мужчин – около 50 % мусульман и христиан от всего населения. Всё это разительно отличалось от того, с чем привыкла иметь дело османская администрация во внутренних районах своего государства. Акцентируя внимание на специфике местных чифтликов и порядка их наследования, Ж. Вайнштейн пришел к выводу, что их документальное признание было обусловлено скорее поощрением колонизации, чем стремлением блюсти юридический порядок²⁶.

Подобного рода зимовниками владели и мусульмане, и христиане, иногда совместно. Эти объекты не были местами зимнего нахождения кочевых групп, поскольку ими распоряжались не они, а конкретные лица, живущие оседло, в городах или пригородах. Подобные кишлаки представляли собой овечьи загоны или кошары, находящиеся под присмотром чабанов, а также рыбные станы, места заготовки соли, обработки шкур и т. п. В 1699 г. упомянуты «чифтлики ногайских татар», расположенные на молдавских землях и в «султанских кишлах»²⁷. Здесь, вероятно, речь идет о тех же зимовниках, которыми персонально владел кто-то из буджацких ногайцев, но которые не были зимовищами их кочевых соплеменников.

Сёла с мусульманскими семьями в окрестностях Аккермана представляли собой рассеянные и сезонно используемые жилища. Похожая ситуация засвидетельствована в 1630-е гг. у «астраханских татар», проводивших зиму возле г. Астрахань «на известных местах, которые они могут обносить только плетнями», а с наступлением весны – кочевавших²⁸. Нужно иметь в виду, что ногайцы, мигрировавшие в Буджак во второй половине XVI – первой трети XVII вв., подвергались насильственной седентаризации и во второй половине XVII в. были принуждены жить в постоянных селениях²⁹.

26 G. Veinstein, 1985, p. 182–184, 189–200.

27 G. Tahsin, 1984, p. 449.

28 А. Олеарий, 1896, с. 78.

29 Э. Челеби, 1961, с. 195.

В начале XVIII в. замечено, что они «избы имеют мазанки [...], и те самые малые»; «за пашнею ходят немногие», многие же заняты скотоводством, впрочем, не совсем кочевым. По всей вероятности, в буджацких сёлах того времени постоянно проживали женщины, старики и дети, а основная часть взрослого мужского населения находилась в движении: была занята сезонными промыслами, набегами или участвовала в военных походах. У приазовских ногайцев, принужденных российским правительством к оседлости в начале XIX в., согласно свидетельству Даниэля Шлаттера (Daniel Schlatter), в селениях находились только женщины и дети, а мужчины с мальчиками-подростками весну, лето и осень проводили в степи, занятые выпасом табунов, стад и отар, и только на зиму приходили к своим семьям³⁰.

Таким образом, постоянное нахождение женщин и детей в семейных юртах и продолжительное пребывание мужчин в отдалении от своих семейств было нормой для кочевников. Но вынужденная полуоседлость и половозрастное разделение труда у номадов не имеют прямого отношения к анализируемому явлению. Его предварительные характеристики можно свести к следующему: отгонное скотоводство, владельцы отар, стад и табунов живут оседло, в отдалении от мест выпаса, пастухи и чабаны представляют собой мужские группы, которые возникают на определенный период и имеют изменчивый состав, включают лиц разного происхождения, ведущих бессемейную жизнь или находящихся в длительном отрыве от своих семей.

Неопределенная и опасная граница, диспропорция полов, узость семейного пространства, неустойчивость частной собственности и наследственных прав, складчина, трудность документальной фиксации местных обычаев, связей и отношений, минимум условий для осуществления власти пограничных губернаторов – эти черты были характерны как для степных окраин Польско-Литовского государства, где формировалось украинское казачество, так и османского Буджака, и степных владений Крымского ханства. Однако у кочевавших там ногайцев не была замечена диспропорция полов: это были обычные кочевые коллективы, утилизировавшие ресурсы степи иначе, чем владельцы кишлаков.

Ввиду фрагментарности данных о социально-демографической ситуации в степном междуречье Днепра и Днестра первой половины XVI в., необходимо привлечь сравнительно-исторический материал более позд-

30 D. Schlatter, 1830, s. 237.

него времени, когда документирование интересующего нас явления проводилось тщательнее. Его черты хорошо прослеживаются по источникам XVIII в., прежде всего – в документах архива последней Запорожской Сечи (1735–1775). В них содержится много упоминаний «чабанских кошей», «овчарских хуторов», «овчарских зимовников», «овчарен», «скотских кошей», «конских табунов», «деревень» и прочих объектов, расположенных в степи и не принадлежавших кочевникам-ногайцам. Среди их владельцев, атаманов и чабанов/пастухов указаны татары (присутствие ногайцев среди них вполне вероятно), а также турки, армяне, крымские греки, сербы, грузины и черкесы, жившие в Перекопе, Гезлеве (совр. г. Евпатория, Крым), Бахчисарае, Карасубазаре (совр. г. Белогорск, Крым), Очакове и других причерноморских городах. Большинство владельцев имели мусульманские и тюркские имена, в единичных случаях отмечены армянские и греческие кушцы³¹.

Место жительства владельцев не всегда отражено в источниках, но из содержания документов понятно, что они не занимались выпасом своего скота и находились в значительном отдалении от стад. О ранге, чине и роде занятий этих лиц говорят наименования: байрактар, муэдзин, сердар, каймакан, челеби, а также бай – богач, не принадлежавший к родовой или служебной знати. Это демонстрирует тесную связь власти и собственности: власть как условие аккумуляции собственности, и собственность как возможность осуществления власти. Однако в степи, где отсутствовала основа для создания стабильной администрации, власть и собственность нуждались в дополнении архаическими формами социальной организации. Их представляли атаманы, возглавлявшие группы, которые занимались разными сезонными промыслами³². Название главы подобной группы – атаман – не было представлено в качестве официального наименования какой бы то ни было должности в Крымском ханстве. Зато оно постоянно фигурировало в сфере негосударственной самоорганизации. Даже крымско-татарские дети, как отмечалось в начале XX в., в своих играх (мормалы, айгирчыок, мермерша, ал-малик) образовывали «партии», каждая из которых выбирала атамана³³.

31 Центральный государственный архив Украины в г. Киев (далее – ЦГИАК), ф. 229, оп. 1, д. 44, л. 1-а, 2, 21; ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 30, л. 7, 17, 19, 46, 84–85 об., 157; А. Андриевский, 1894, с. 450; Д. Эварницкий, 1888, с. 18, 22, 26, 28; Архив Коша, 2000, с. 325.

32 ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 30, л. 46; ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 45, л. 4, 5 об.

33 В. Филоненко, 1919, с. 257, 259, 260, 264.

В документации архива Запорожской Сечи специализация этих сезонных групп отражена в следующих понятиях: *кош*, когда речь шла о выпасе отар овец чабанами, *хутор* подразумевал разведение волов и коров пастухами, в *конских табунах* пасли коней, а в *деревнях* занимались земледелием. Впрочем, эта специализация во многом была условной, поскольку при овечьих отарах были замечены стада крупного рогатого скота и некоторое количество лошадей, а «кош» является более широким понятием, нежели простое обозначение хозяйственного объекта.

Обратимся к упоминаниям «чабанских атаманов» в запорожских документах. Большинство из них имело мусульманские имена (Девлет, Юнус и Али), однако христианские имена (Петр, Василий) также встречаются. Чабаны были хорошо вооружены (имели ружья, сабли, копья) и снаряжены (базавлуки – подковы для хождения по льду, добротная одежда, сбруя и пр.). Чабанский атаман Сефер примечателен своим рассказом, записанным в январе 1756 г.: он грузин («гуржий»), уроженец города Тифлис (совр. Тбилиси), настоящее его имя Георгий. В подростковом возрасте его выкрали и продали туркам; он был ясырем десять лет, получил свободу и теперь пасет отару своего хозяина, жителя Карасубазара арменина Гайваса. Сефер, вероятно, принял ислам накануне своего освобождения из ясырей и получил новое имя (или прозвище) по названию мусульманского месяца Сафара. О том, что чабанские атаманы, носители мусульманских и христианских имен, хорошо ладили между собой, имели приятный досуг и собирались для обсуждения общих дел, в т. ч. и грабежей, в феврале 1756 г. сообщил чабан Перман, житель города Перекоп, пасший отары под руководством атамана Василия³⁴.

Из документов видно, что чабанские коши состояли из одной или нескольких кибиток, используемых и в летнее, и в зимнее время³⁵. Выходец из крымских греков Федор Хартахай писал в 1866 г., что чабанская кибитка называлась *отав*; главная кибитка, в которой пребывал атаман («одаман»), находилась в коше («кхош») – месте, откуда атаман руководил «всеми отдельными стадами». Речь идет о неразборной юрте, перевозимой на арбе, известной у ногайцев под названием *отав-уй*. Эта юрта представляет собой цилиндр со сферическим, уплощенным куполом, она очень легка, упруга, ее можно перекачивать по земле, не разбирая. Чабаны и выпас отар были организованы так: десять соединенных стад, в каждом по 1 000 овец, составляют

34 ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 30, л. 7, 9, 18, 171.

35 ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 30, л. 7, 136–136 об.

одно сводное стадо, под общим названием кош. Так как 10 000 овец затруднительно выпастить в одном месте, весь кош разделяется на малые стада в тысячу и менее овец. При каждом полном стаде находится по три человека: чабан, чабан одной сотни овец и чабан одной тысячи овец. Чабан, отличающийся особой расторопностью, становился начальником чабанов, ответственным за сводное стадо; он получал титул атамана. Служба в коше считалась почетной, титул атамана оставался за обладателем и после его службы. Кош переносили, следуя за стадами, размещали там, где атаман находил нужным. Эта стоянка называлась «дурум», а место зимовки – «кхыш-лав». Каждый кош имел свою тамгу, изображением которой клеймили предметы, принадлежащие кошу, а также животных, находящихся в стадах, выпасаемых под управлением определенного коша³⁶.

Из запорожских документов следует, что чабанские коши во главе с атаманами, объединялись в курени, имевшие нумерацию: «Магмет шестьдесят девятого, Апти девяностого, Саид Махмут и Арслан – девяносто первого куреней»³⁷. По всей видимости, курени нумеровали при распределении пастбищ между кошами. Регулировка нагрузки на пастбища была особенно важной при круглогодичном выпасе овец, прежде всего, зимой. По этой причине чабанов отличали от пастухов, а табунщиков – от первых и вторых.

Среди крымских чабанов, находящихся за пределами Крыма, преобладали жители одной местности. Документ 1766 г. упоминает три отары (3 500 овец и 6 чабанов, 4 000 овец и 6 чабанов, 2 500 овец и 5 чабанов), дошедших до г. Бахмут (Донецкая область, Украина). Овцы, выпасаемые в этих отарах, принадлежали жителям городов Крыма – Акмечети и Карасубазара. Чабаны этих отар 7, 5 и 13 лет соответственно находились в отрыве от семей³⁸ (если таковые были). Таким образом, речь идет о мужских группах, длительное время живших вне семейного пространства.

Крымский краевед Василий Кондараки в середине XIX в. описал «наследственные правила» чабанских кошей в Крыму, отметив бессемейность чабанов и их ироническое отношение к женитьбе, недопущение женщин в свою среду, оправдание мужского произвола над «заблудившейся». Кондараки обратил внимание на особую манеру разговора чабанов («люди, которые живут между овцами, резко отличаются от других. У них как-то

36 Ф. Хартахай, 1866, с. 217.

37 ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 30, л. 164 об.

38 Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 15, оп. 1, д. 149, л. 15–15 об.

странно действует язык»), их подражание мурзам в речах и повадках, поддержание некоего аристократического этикета, желание во всём отличаться от обычных крымских татар, надменность к простолюдинам. Также из «наследственных правил» приведены: предписание всаднику спешиться за 30 шагов до коша, отсутствие у хозяина отары права выказывать свою собственность в коше (он должен держать руку у лба, пока атаман не укажет место, где можно сесть), беспрекословная власть атамана над чабанами, наказание нарушителей правил насмешками, принуждением пить солёную воду, лишением обеда или мелкого имущества, изгнанием (крайнее средство), а также радушное гостеприимство, прием любого странника³⁹. Как следует из изложенного, атаман был абсолютным распорядителем в чабанском коше, вплоть до личного имущества чабанов, но не его владельцем. Владельцы же скота не находились в коше и не распоряжались в нём; власть и собственность здесь были строго разграничены.

Жизнь крымских чабанов была далека от пасторальной идиллии. Вооруженные столкновения и грабежи между ними и запорожскими казаками не были редкостью. Тем не менее, случаи гостеприимства, взаимопомощи и доверия в хозяйственных делах между крымскими чабанами и запорожцами также отмечены в источниках. Например, в 1756 г. чабанские атаманы Балалы и Аджем Пулы предоставили убежище запорожскому казаку, скрывавшемуся от своих властей⁴⁰. Группы во главе с атаманами могли заниматься и скотоводством, и вооруженным грабежом, и земледелием в каких-то деревнях, кошах, хуторах и прочих объектах, отличающихся от обычных сельских поселений. Общим для всех этих видов деятельности было то, что ими занимались вне Крымского полуострова, к северу от Перекопа, на территории, не охваченной стабильной государственной регуляцией. То есть, речь идет о сезонном или длящемся более длительный период отхожем промысле, а не о кочевничестве.

Итак, изложенный материал дает основание для вывода о том, что перекопские татары в первой половине XVI в., до начала миграции ногайцев, в значительной своей части были не кочевниками, а полуоседлым населением. Хозяйственные занятия и степень оседлости этого населения отличались по половозрастному и социальному признакам: женщины, дети, зависимые клиенты и рабы-ясыри жили в стационарных поселениях, были заняты земледелием и огородничеством. Полноправные мужчины вели подвижный

39 В. Кондараки, 1883, с. 13–14.

40 ЦГИАК, ф. 229, оп. 1, д. 30, л. 18.

образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством, промыслами, войной. Основу хозяйства составляло овцеводство, разведение крупного рогатого скота и коневодство.

Привлечение сравнительно-исторического материала более позднего времени к анализу фрагментарных данных первой половины XVI в. позволяет проследить в чабанских кошах Северного Причерноморья следующие черты поздних дериватов выделенного института мужского союза:

- Мужская группа, состоящая из лиц разного происхождения, исключая присутствие женщин и открытая для приема чужаков. В силу этой особенности, для поддержания единства данной группы принципиальное значение имело гостеприимство.
- Временный характер группирования в диких местах, отдаленных от домашней (семейной) территории, контролируемых государственной властью.
- Промысловый характер деятельности группы, сочетание производящего и присваивающего хозяйства.
- Временный и выборный характер рангов в группе, исключение сословных иерархий, блокировка семейно-родственных связей и отношений внутри группы.
- Разграничение власти и собственности, коллективное использование имущества коша, раздел результатов общего труда между членами группы с окончанием совместного промысла, что означало прекращение существования группы.
- Реципрокация. Исключение рыночных отношений внутри группы и ограниченная практика отношений по типу централизованной редистрибуции. Рыночные отношения разрушали или кардинально перестраивали группу.
- Почетный характер нахождения в группе; обретенный в ней престиж признавался семейной общиной и мог быть конвертирован в общественную или государственную должность.

Библиография

- Российский государственный архив древних актов, ф. 15, оп. 1, д. 149.
Центральный государственный архив Украины в г. Киев, ф. 229, оп. 1, д. 44.
Центральный государственный архив Украины в г. Киев, ф. 229, оп. 1, д. 30.
Центральный государственный архив Украины в г. Киев, ф. 229, оп. 1, д. 45.

- Андрієвський А., 1894 – Алексей Андрієвський, «Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений», in: Записки Одесского общества истории и древностей, т. 17, Одесса, 1894, с. 85–154.
- Архів Коша, 2000 – Архів Коша Нової Запорозької Січі, Корпус документів, 1734–1775, т. 2, Київ, 2000.
- Біляєва С., 2012 – Світлана Біляєва, Слов'янські та тюркські світи в Україні (з історії взаємин у XIII–XVIII століттях), Київ, 2012.
- Броневский М., 1867 – Мартин Броневский, «Описание Крыма (Tartariae Descriptio)», in: Записки Одесского общества истории и древностей, т. 6, Одесса, 1867, с. 333–367.
- Брун Ф., 1852 – Филипп Брун, Путешествие Гиллбера де Ланнуа по Южной России в 1421 году, Одесса, 1852.
- Гваньїні О., 2009 – Олександр Гваньїні, Хроніка європейської Сарматії, Київ, 2009.
- Гулевич В., 2014 – Владислав Гулевич, «Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Гаджи Гірея (1442–1466 рр.)», in: Український історичний журнал, 2014, № 6, с. 4–28.
- Ельніков М., 2014 – Михайло Ельніков, «Золотоординські міста Нижнього Подніпров'я і Північно-Західного Приазов'я: ступінь та перспективи дослідження», in: Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету, серія: історичні науки, 2014, вип. 20.
- Жерела, 1908 – Жерела до історії України-Руси, т. 8, Львів, 1908.
- Каманин И., 1894 – Иван Каманин, «К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого», in: Чтения в историческом обществе Нестора Летописца, кн. 8, Киев, 1894, с. 57–115.
- Кондараки В., 1883 – Василий Кондараки, В память столетия Крыма, Москва, 1883.
- Кульпин Э., 1998 – Эдуард Кульпин, Золотая Орда (проблемы генезиса Российского государства), Москва, 1998.
- Леп'явко С., 1996 – Сергій Леп'явко, Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні, Чернівці, 1996.
- Михалон Литвин, 1994 – Михалон Литвин, О нравах татар, литовцев и москвитян, Москва, 1994.
- На розі двох світів, 2018 – На розі двох світів. Історична спадщина України та Литви на території Херсонської області, колектив авторів: С. О. Біляєва, К. С. Гуленко, О. Є. Фіалко, М. М. Ієвлев, О. В. Грабовська, О. В. Манігда, О. В. Чубенко, О. В. Симоненко, О. С. Дзnelадзе, Д. М. Сікоза, Київ – Херсон, 2018.
- Новосельский А., 1948 – Андрей Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, Москва; Ленинград, 1948.
- Олеарий А., 1896 – Адам Олеарий, «Извлечение из описания путешествия (1636–1638)», in: Астраханский сборник, Астрахань, 1896.
- Петрунь Ф., 1928 – Федір Петрунь, «Ханські ярлики на українській землі (до питання про Татарську Україну)», in: Східний світ: орган Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства, Харків, 1928, № 2, с. 170–185.
- Поланьї К., 2002 – Карл Поланьї, Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени, Санкт-Петербург, 2002.

- Русев Н., 1997 – Николай Русев, «Безноса я привратница эпох. „Черная смерть“ на западе и востоке Европы», in: Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории, Санкт-Петербург; Кишинев, 1997, с. 220–239.
- Смирнов В., 1887 – Василий Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века, Санкт-Петербург, 1887.
- Стрийковський М., 2011 – Матвій Стрийковський, Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Русі, Львів, 2011.
- Сыроечковский В., 1940 – Владимир Сыроечковский, «Мухаммед-Герай и его вассалы», in: Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 61, т. 2, Москва, 1940, с. 3–71.
- Филоненко В., 1919 – Виктор Филоненко, «Детские игры крымских татар», in: Известия Таврической ученой архивной комиссии, вып. 56, Симферополь, 1919, с. 242–266.
- Хартахай Ф., 1866 – Феоктист Хартахай, «Историческая судьба крымских татар», in: Вестник Европы, 1866, т. 2, июнь.
- Хорошкевич А., 2001 – Анна Хорошкевич, Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв., Москва, 2001.
- Челеби Э., 1961 – Эвлия Челеби, Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века, Москва, 1961.
- Черкас Б., 2014 – Борис Черкас, Західні володіння Улусу Джучи: Політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV століття), Київ, 2014.
- Эварницкий Д., 1888 – Дмитрий Эварницкий, Сборник материалов по истории запорожских козаков, Санкт-Петербург, 1888.
- Яковенко Н., 2008 – Наталя Яковенко, Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна, Київ, 2008.
- Documente turcești privind istoria României, vol. I, București, 1976.
- Fisher A., 1978 – Alan Fisher, The Crimean Tatars, Stanford, 1978.
- Gliwa A., 2013 – Andrzej Gliwa, Kraina upartych niepogód. Zniszczenia wojenne na obszarze ziemi przemyskiej w XVII wieku, Przemyśl, 2013.
- Khodarkovsky M., 2009 – Michael Khodarkovsky, Na granicach Rosji, Warszawa, 2009.
- Kołodziejczyk D., 2011 – Dariusz Kołodziejczyk, The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents, Leiden – Boston, 2011.
- Kronika polska Marcina Bielskiego, 1597 – Kronika polska Marcina Bielskiego, Nowo przez Ioachima Bielskiego syna iego wydana, Kraków, 1597.
- Kryczyński S., 1938 – Stanisław Kryczyński, Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej, Warszawa, 1938.
- Lietuvos Metrika, knyga Nr. 564 (1553–1567), viešųjų reikalų knyga 7, parengė A. Baliulis, Vilnius, 1996.
- McNiel W., 1964 – William McNiel, Europe's Steppe Frontier. 1500–1800, Chicago – London, 1964.
- Sahlins M., 1963 – Marshall Sahlins, “Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in

- Melanesia and Polinesia”, in: *Comparative Studies in Society and History*, vol. 5, № 3, 1963, p. 285–303.
- Schlatter D., 1830 – Daniel Schlatter, *Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland, in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tataren am Asowschen Meere*, St. Gallen, 1830.
- Schurtz H., 1902 – Heinrich Schurtz, *Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft*, Berlin, 1902.
- Tahsin G., 1984 – Gamil Tahsin, *Relațiile țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712)*, București, 1984.
- Veinstein G., 1985 – Gilles Veinstein, *Les “çiftlik” de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası*, 1985, № 1–4, p. 177–210.

Bibliography (Transliteration)

- Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Ukrainy v gorode Kiev, fond 229, opis' 1, djelo 44.
- Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Ukrainy v gorode Kiev, fond 229, opis' 1, djelo 30.
- Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Ukrainy v gorode Kiev, fond 229, opis' 1, djelo 45.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov, f. 15, op. 1, d. 149.
- Andrievskij A., 1894 – Aleksej Andrievskij, „Materialy po istorii Zaporozh'ja i pogranichnyh otnoshenij“, in: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, t. 17, Odessa, 1894, s. 85–154.
- Arhiv Kosha, 2000 – Arhiv Kosha Novoi Zaporoz'koi Sichi. Korpus dokumentiv, 1734–1775, t. 2, Kiiiv, 2000.
- Biljaeva S., 2012 – Svitlana Biljaeva, *Slov'jans'ki ta tjurks'ki sviti v Ukraini (z istorii vzaemin u HIII–HVIII stolittjah)*, Kiiiv, 2012.
- Bronevskij M., 1867 – Martin Bronevskij, „Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio)“, in: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, t. 6, Odessa, 1867, s. 333–367.
- Brun F., 1852 – Filipp Brun, *Puteshestvie Gillbera de Lannua po Juzhnoj Rossii v 1421 godu*, Odessa, 1852.
- Cherkas B., 2014 – Boris Cherkas, *Zahidni volodinnja Ulusu Dzhuchi: Politichna istorija, teritorialno-administrativnij ustrij, ekonomika, mista (XIII–XIV stolittja)*, Kiiiv, 2014.
- Documente turkești, 1976 – Documente turkești privind istoria României, vol. I, Bukurești, 1976.
- Chelebi E., 1961 – Evliya Chelebi, *Kniga puteshestvija. Izvlechenija iz sochinenija tureckogo puteshestvennika XVII veka*, Moskva, 1961.
- El'nikov M., 2014 – Mihajlo El'nikov, „Zolotoordins'ki mista Nizhnogo Podniprovs'ja i Pivnichno-Zahidnogo Priazov'ja: stupin' ta perspektivi doslidzhennja“, in: *Naukovi zapiski Kirovograds'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu*, serija: istorichni nauki, 2014, vip. 20.
- Evarnickij D., 1888 – Dmitrij Evarnickij, *Sbornik materialov po istorii zaporozhskih kozakov*, Sankt-Peterburg, 1888.

- Filonenko V., 1919 – Viktor Filonenko, „Detskie igry krymskih tatar“, in: *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 56, Simferopol', 1919, s. 242–266.
- Fisher A., 1978 – Alan Fisher, *The Crimean Tatars*, Stanford, 1978.
- Gliwa A., 2013 – Andrzej Gliwa, *Kraina upartych niepogód. Zniszczenia wojenne na obszarze ziemi przemyskiej w XVII wieku*, Przemysł, 2013.
- Gulevich V., 2014 – Vladislav Gulevich, „Krimsk'e hanstvo j Pivnichne Prichornomor'ja v period pravlinnja Gadzhi Gireja (1442–1466 rokov)“, in: *Ukrains'kij istorichnij zhurnal*, 2014, № 6, s. 4–28.
- Gvan'ni O., 2009 – Oleksandr Gvan'ini, *Hronika evropejs'koi Sarmatii*, Kiiv, 2009.
- Hartahaj F., 1866 – Feoktist Hartahaj, „Istoricheskaja sud'ba krymskih tatar“, in: *Vestnik Evropy*, 1866, t. 2, ijun'.
- Horoshkevich A., 2001 – Anna Horoshkevich, *Rus' i Krym: Ot sojuza k protivostojaniju. Konec XV – nachalo XVI veka*, Moskva, 2001.
- Jakovenko N., 2008 – Natalja Jakovenko, *Ukrains'ka shljahta z kincja XIV – do seredini XVII stolittja. Volin' i Central'na Ukraina*, Kiiv, 2008.
- Kamanin I., 1894 – Ivan Kamanin, „K voprosu o kazachestve do Bogdana Hmel'nickogo“, in: *Chtenija v istoricheskom obshchestve Nestora Letopisca*, kn. 8, Kiiv, 1894, s. 57–115.
- Khodarkovsky M., 2009 – Michael Khodarkovsky, *Na granicach Rosji*, Warszawa, 2009.
- Kołodziejczyk D., 2011 – Dariusz Kołodziejczyk, *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*, Leiden – Boston, 2011.
- Kondaraki V., 1883 – Vasilij Kondaraki, *V pamjat stoletija Kryma*, Moskva, 1893.
- Kronika polska Marcina Bielskiego, 1597 – Kronika polska Marcina Bielskiego, Nowo przez Ioachima Bielskiego syna iego wydana, Kraków, 1597.
- Kryczyński S., 1938 – Stanislaw Kryczyński, *Tatarzy Litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej*, Warszawa, 1938.
- Kul'pin E., 1998 – Eduard Kul'pin, *Zolotaja Orda (problemy genezisa Rossijskogo gosudarstva)*, Moskva, 1998.
- Lep'javko S., 1996 – Sergij Lep'javko, *Kozac'ki vijni kincja XVI stolittja v Ukraini*, Chernigiv, 1996.
- Lietuvos Metrika, 1996 – Lietuvos Metrika, knyga Nr. 564 (1553–1567), viešųjų reikalų knyga 7, parengė A. Baliulis, Vilnius, 1996.
- McNiel W., 1964 – William McNiel, *Europe's Steppe Frontier. 1500–1800*, Chicago – London, 1964.
- Mihalon Litvin, 1994 – Mihalon Litvin, *O nravah tatar, litovcev i moskvitjan*, Moskva, 1994.
- Na rozi dvoh svitiv, 2018 – Na rozi dvoh svitiv. Istorichna spadshina Ukraini ta Litvi na teritorii Hersons'koi oblasti, kolektiv avtoriv: S. O. Biljajeva, K. S. Gulenko, O. E. Fialko, M. M. Ievlev, O. V. Grabovs'ka, O. V. Manigda, O. V. Chubenko, O. V. Simonenko, O. S. Dzneladze, D. M. Sikoza, Kiiv – Herson, 2018.
- Novosel'skij A., 1948 – Andrej Novosel'skij, *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka*, Moskva – Leningrad, 1948.

- Olearij A., 1896 – Adam Olearij, „Izvlačenje iz opisanija puteshestvija (1636–1638)“, in: Astrahanski sbornik, Astrahan, 1896.
- Petrun' F., 1928 – Fedir Petrun', „Hans'ki jarliki na ukrains'ki zemli (do pitannja pro Tatars'ku Ukrainu)“, in: Shidnij svit: organ Vseukrains'koi naukovoi asociacii shodoznavstva, Harkiv, 1928, № 2, s. 170–185.
- Polan'i K., 2002 – Karl Polan'i, Velikaja transformacija: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni, Sankt-Peterburg, 2002.
- Rusev N., 1997 – Nikolaj Rusev, „Beznosaja privratnica epoh. „Chernaja smert“ na zapade i vostoce Evropy“, in: Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoj indoevropskoj istorii, Sankt-Peterburg; Kishinev, 1997, s. 220–239.
- Sahlins M., 1963 – Marshall Sahlins, „Poor Man, Rich Man, Big-Man: Political Types in Melanesia and Polinesia“, in: Comparative Studies in Society and History, vol. 5 (3), 1963, p. 285–303.
- Schlatter D., 1830 – Daniel Schlatter, Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland, in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tataren am Asowschen Meere, St. Gallen, 1830.
- Schurtz H., 1902 – Heinrich Schurtz, Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft, Berlin, 1902.
- Smirnov V., 1887 – Vasilij Smirnov, Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka, Sankt-Peterburg, 1887.
- Strijkovs'kij M., 2011 – Matvij Strijkovs'kij, Litopis pol'skij, litovs'kij, zhmuds'kij i vsieii Rusi, L'viv, 2011.
- Syroechkovskij V., 1940 – Vladimir Syroechkovskij, „Muhammed-Geraj i ego vassaly“, in: Uchenye zapiski Moskovskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova, 61 (2), Moskva, 1940, s. 3–71.
- Tahsin G., 1984 – Gamil Tahsin, Relațiile țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712), București, 1984.
- Veinstein G., 1985 – Gilles Veinstein, Les „çiftlik“ de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle, in: Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası, 1985, № 1–4, p. 177–210.
- Zherela, 1908 – Zherela do istorii Ukraini-Rusi, t. 8, 1908, L'viv.

TURKIC-SPEAKING POPULATION ON THE STEPPE BORDERLAND OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND THE CRIMEAN KHANATE IN THE 15TH – THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURIES

Summary. The ethnic and demographic situation on the borderland of the Grand Duchy of Lithuania and the Crimean Khanates is analysed on the basis of narratives (Michalon Litanus, Marcin Broniowski, Marcin Bielski, Bartosz Paprocki) and documentary sources (publications “Lithuanian Metrics”, “Archive of South-

Western Russia”, documents of the Russian State Archive of Ancient Acts, Central State Historical Archive of Ukraine).

The boundaries laid by the local prince of Kiev Simeon Olelkovich in the 15th century were significant for a later time as a precedent for ideas about the boundary between the Black Sea Tatars and Ukrainian Cossacks. The Zaporozhian Host at the early 18th century referred it as “Vytautas borders”. However, this “boundary” was conditional. The steppe space between the rivers Southern Bug and Dnieper was occupied by the Ukrainian Cossacks (later the Zaporozhians) in the summer, and by the “Perekop Tatars” in the winter. The seasonal migrations, set by the conditions of the first half of the 16th century, persisted until the middle of the 17th century.

The notion “Tatars” is a conventional designation for the Turkic-speaking population in the Black Sea steppe before the migration of the Noghais to this region in the second half of the 16th to early 17th centuries. “Perekop Tatars” were not nomads, but a semi-sedentary population. Economic occupations and the degree of settlement of this population differed according to gender, age and social position. Women, children, clients and slaves lived in stationary settlements, were engaged in agriculture and horticulture. Full-fledged men led a mobile lifestyle, were engaged in stockbreeding, hunting and war. The economy was based on sheep and horse breeding.

Particular attention is paid to the male groups of the “Perekop Tatars”, which had a changeable and often multiethnic composition, combined shepherding and war, and for a long time were without a family and permanent place of residence. Some demographic data (cited by Gilles Veinstein) indicate a significant excess of the number of men relative to women. These male groups in the sources of that time are designated as “Kazak” and “Çoban”.

Keywords: the Tatars of Black Sea region, Frontier, nomads, pastoralism, male bonds (Männerbünde).

Владислав Владимирович Грибовский (Vladyslav Volodymyrovych Hrybovskiy), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения имени М. С. Грушевского Национальной академии наук Украины.

Vladyslav V. Hrybovskiy, Candidate of Historical Sciences (PHD, History), Senior Scholarly Researcher at M. S. Hrushevsky Institute for Ukrainian Archaeology and Source Studies, National Academy of Sciences of Ukraine.

Vladislavas Gribovskis (Vladyslav Hrybovskiy), humanitarinių mokslų (istorija) kandidatas, Ukrainos nacionalinės mokslų akademijos M. S. Gruševskio Ukrainos archeografijos ir šaltinių tyros instituto vyriausiasis mokslo darbuotojas.